

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ SOCIAL PHILOSOPHY

Оригинальная статья/ Original article

Гражданское общество: либеральное или разнообразное?¹

© А.Ю. СУНГУРОВ, Д.А.КИСЕЛЕВА

Сунгуров Александр Юрьевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия), asungurov@hse.ru. ORCID: 0000-0003-4834-063X

Киселева Дарья Александровна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия), kiseleva-d@yandex.ru. ORCID: 0009-0000-6858-4477

Статья посвящена концепции гражданского общества. Кратко рассмотрена эволюция представлений о ней, в том числе развитие L- и M-представлений. В рамках исследования M-концепции, в которой под гражданским обществом понимают относительно автономные от государства общественные организации и многообразные связи между ними, выделены нормативный и позитивистский подходы. Обосновано утверждение, что нормативный подход, согласно которому гражданское общество рассматривают как сообщество организаций с либеральными взглядами, заимствует представления из L-концепции. Проанализированы современные российские тренды, связанные с разделением организаций гражданского общества по критерию лояльности «сверху». Предпринята попытка выделить категории нелиберальных гражданских организаций. Представлен вывод о целесообразности использовать концепцию «разнообразного гражданского общества» в научном анализе.

Ключевые слова: гражданское общество, либеральные организации, консервативные организации, нормативный подход, позитивистский подход

Цитирование: Сунгуров А.Ю., Киселева Д.А. (2021) Гражданское общество: либеральное или разнообразное? // Общественные науки и современность. № 3. С. 7–22. DOI: 10.31857/S0869049923030012, EDN: GHFOUD.

¹ Финансирование. Статья подготовлена в ходе исследования (№ 22-00-032) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

Funding. The article was prepared during study (No. 22-00-032) within the framework of the Program «Science Foundation of the National Research University Higher School of Economics» (HSE University) in 2022.

Civil Society: Liberal or Diverse?

© A. SUNGUROV, D. KISELEVA

Alexander Yu. Sungurov, National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg, Russia), asungurov@hse.ru. ORCID: 0000-0003-4834-063X

Daria A. Kiseleva, National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg, Russia), kiseleva-d@yandex.ru. ORCID: 0009-0000-6858-4477

Abstract. The article discusses the concept of civil society. The evolution of ideas is studied, including the creation of L- and M- conceptions. As part of the M-concept, in which civil society is understood as public organizations relatively autonomous from the state and diverse connections between them, normative and positivist approaches are distinguished. It is substantiated that the normative approach, in which civil society is understood as a community of organizations with liberal views, is associated with the L-concept. Modern Russian trends related to the division “from above” of civil society organizations according to the criterion of loyalty are analyzed. The first steps have been taken to single out the categories of non-liberal civil organizations. The conclusion is made about the expediency of using the concept of a “diverse civil society” in scientific analysis.

Keywords: civil society, liberal organizations, conservative organizations, normative approach, positivistic approach

Citation: Sungurov A., Kiseleva D. (2023) Civil Society: Liberal or Diverse? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 7–22. DOI: 10.31857/S0869049923030012, EDN: GHFOUD.

В 2018 г. на заключительном пленарном заседании Ежегодной научной конференции в Александровском институте при Хельсинкском университете Мария Мальксоо представила оценки эволюции политических режимов в таких посткоммунистических странах, как Польша и Венгрия. На основе этих данных исследователь пришла к выводу, что гражданское общество может быть и нелиберальным². В том же году Фонд Карнеги опубликовал доклад «Мобилизация консервативного гражданского общества», в котором анализировалась активизация нелиберальных НКО (некоммерческих организаций) в девяти странах мира, включая США, Бразилию, Индию, Польшу и Украину [Mobilization... 2018].

Понятие «гражданское общество» в современной России и в других странах сегодня используют достаточно часто, однако ни среди политиков, ни среди журналистов и российских ученых нет согласия по поводу содержания данного термина. Цель данной статьи – разъяснить содержание термина «гражданское общество» и предложить свою трактовку.

История гражданского общества: L- и M- концепции

Термин «гражданское общество» использовали в своих работах еще Аристотель и Цицерон. Они толковали его как синоним «политического общества» и самого полиса, так как для них общественная жизнь была неотделима от его жизни. История этого понятия изложена в различных работах [Seligman 1992; Cohen, Arato 1995], включая и учебное пособие авторов, представленное в электронной библиотеке «Гражданское общество в России» [Сунгуров 2008].

² Aleksanteri Conference 2018: plenary session III and closing ceremony. YouTube. (<https://www.youtube.com/watch?v=8XEXQG9Gvkg>).

На рубеже XVIII и XIX вв. просветители – прежде всего А. Фергюсон, а также Ж.-Ж. Руссо и И. Кант – предложили различные определения гражданского общества. Так, Кант писал о нем как об обществе, в котором «свобода в рамках существующих законов сочетается с максимально возможным развитием несдерживаемых ничем усилий, тенденций, иными словами, общества с полностью гражданским устройством» [Keane 1988, 40]. Подобной позиции придерживался и английский философ XVII в. Дж. Локк, который определял гражданское общество как этическое сообщество в дополитическом состоянии, где государство играет минимальную роль. В рамках этой модели гражданское общество определяется цивилизованным общением: дела в нем решают без насилия.

Уже в конце XX в. канадский философ Ч. Тэйлор назвал данную концепцию L-традицией понимания гражданского общества, чтобы отделить ее от M-традиции. Последняя основана на идеях французского мыслителя Ш.Л. де Монтескье. Согласно концепции, гражданское общество представляет собой совокупность автономных объединений, которые выступают посредниками между государством и индивидами [Taylor 1995]. В современной России концепцию в двух ее значениях развивали в своих работах О. Хархордин [Хархордин 1997] и Е. Белокурова [Белокурова 2003].

Б. Клиффорд в Оксфордском учебнике по гражданскому обществу предлагает три пересекающихся трактовки концепта «гражданского общества»: 1) гражданское общество как совокупность ассоциаций граждан; 2) гражданское общество как либеральная демократия; 3) гражданское общество как публичная сфера [Clifford 2012]. Первая позиция соответствует M-концепции гражданского общества, а вторая – L-концепции. Представление о гражданском обществе как о публичной сфере развивал немецкий философ Ю. Хабермас, в данной работе оно не рассматривается.

Следует отметить, что в течение почти всего XIX и первой половины XX в. концепция гражданского общества не привлекала большого внимания исследователей. Внимание к теме привлек итальянский философ и политический деятель А. Грамши в своих «Тюремных тетрадах». Он считал, что развитое гражданское общество могло бы противостоять приходу к власти фашизма [Грамши 1959]. В середине 1970-х гг. интерес к концепции возник у западных политологов в связи с тем, что интеллектуалы Восточной Европы опирались на нее, чтобы противопоставлять свои воззрения коммунистической идеологии [Havel 1993; Михник 2011].

В западноевропейских странах в середине 1990-х гг. идею гражданского общества пытались взять на вооружение европейские левые. Так, в 1995 г. Фонд Ф. Эберта³ опубликовал коллективную монографию «На пути к глобальному гражданскому обществу» [Toward 1995]. Заключительный раздел книги назывался «Европейский социализм и американская социальная реформа». Редактор монографии американский политический философ М. Уолцер определял гражданское общество как «пространство свободных ассоциаций индивидов, а также набор сетей взаимоотношений, образованных на основе семьи, веры, интересов и идеологии и заполняющих это пространство» [Walzer 1995]. Характер таких взаимоотношений всегда зависит от разделяемых (shared) ценностей. Соответственно, понятие гражданского общества может иметь как либеральную, так и коммунитаристскую интерпретацию в зависимости от того, лежит в его основе свобода индивида или солидарность ассоциаций [Сунгуров 1997]. Иначе говоря, уже четверть века тому назад авторы не сводили гражданское общество к сообществу исключительно либеральных организаций.

³ Исключен Минюстом РФ из реестра филиалов и представительств международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций в 2022 г.

В своих работах о развитии гражданского общества в России в середине 1990-х гг. авторы данной статьи брали за основу М-традицию. Такой выбор основан на аргументе, что другое понимание (L-традиция) по сути совпадает с понятием демократического либерального государства.

Таким образом, гражданское общество в этой статье рассматривается как совокупность свободных ассоциаций граждан (и многообразных связей между ними), которые уважают и соблюдают законы государства (оно, в свою очередь, соблюдает права человека), но не позволяют ему вмешиваться в свою ежедневную деятельность [Сунгуров 1997, 56]. Тезис об уважении к законам государства позволяет отделить гражданское общество от террористических и криминальных организаций.

Следует отметить, что такая трактовка не относится к общепринятым. Так, российский и немецкий экономист А.М. Либман предлагает определять гражданское общество «на основе трех критериев: речь идет о (1) спонтанной самоорганизации общества, (2) направленной на воздействие на политические решения государства, но (3) не являющиеся интегральной частью политической системы. Часто добавляется еще один, значительно более сомнительный: ценностную ориентацию спонтанной самоорганизации (для отсеивания, скажем, структур типа ХАМАС, формально соответствующих трем критериям)» [Либман 2011, 130]. Авторы не считают уважение к законам государства нормативным критерием, однако данный фактор позволяет выделить область негражданского общества. Подобную точку зрения высказывает советский и российский философ Р.Г. Апресян: «Гражданское общество задается деятельностью и отношениями суверенных индивидов. Однако оно в свою очередь и определяет стандарт поведения людей: как суверенных, лояльных (законно-послушных), но свободных граждан» [Апресян 1997, 9].

Гражданское общество в рамках М-концепция: нормативный и позитивистский подходы

Для дальнейшего анализа структур гражданского общества логично использовать представление о трех секторах жизнедеятельности нации: первый сектор – государственная власть, правительство; второй – экономика и бизнес, третий – негосударственные некоммерческие организации («организации третьего сектора»). Детализация трехсекторной структуры [Сунгуров 1997, 57] представлена в таб. 1.

Таблица 1

Секторы и уровни организации общества

Table 1

Sectors and levels of society's organization

Сектор/уровень	I сектор	II сектор	III сектор
Деятельностный уровень	Государство	Экономика Рынок	Сфера деятельности НКО
Гражданское общество	Политическое общество (партии и др.)	Экономическое общество (бизнес-ассоциации, профсоюзы и др.)	Сообщества третьего сектора (НКО)
Не гражданское общество	Подпольные и террористические организации	Организованная преступность	Агрессивные секты

Гражданское общество не следует ограничивать рамками НКО: в него входят и низовые звенья политических партий, и объединения участников рынка (профессиональные союзы, бизнес-ассоциации и др). Исходя из сегодняшних реалий, к схеме на таб. 1 следует добавить СМИ, которые могут быть связаны со всеми тремя секторами, а также и группы в социальных сетях и независимых блогеров (с учетом развития цифровизации).

Далее следует выделить четыре типа НКО на основе различия их целевых групп. Первый, наиболее многочисленный из них составляют НКО, фокусной группой которых выступают сами члены этих организаций: «НКО взаимопомощи», которые объединяют людей по принципу общей беды или проблемы, а также «НКО клубного типа» (спортивные клубы, разнообразные группы самосовершенствования, клубы по интересам и т. д.). Ко второму типу относятся организации, направленные на решение общественных проблем: НКО социальной направленности, нацеленные на решение проблем других людей, благотворительные фонды и экологические НКО (под экологией понимается не только природная, но и культурная среда).

Третий тип включает в себя организации, которые фокусируются на властных структурах и их взаимоотношениях с гражданами и обществом – правозащитные организации. Наконец, последний, четвертый тип состоит из так называемых «инфраструктурных» организаций, миссией которых выступает содействие деятельности других НКО или развитие публичной политики в целом [Сунгуров 2008].

Согласно данной классификации, из всех типов НКО к либеральным структурам можно априори отнести только правозащитные организации, которые составляют не более 10% от всех сообществ третьего сектора. Организации четвертой группы встречаются еще реже, чем правозащитные. Они могут носить как либеральный или социал-демократический, так и консервативный характер.

Среди благотворительных НКО существенную часть составляют религиозные группы, которые нельзя причислить к либеральным. В экологических группах также встречаются люди с разными убеждениями. Наконец, в организациях первого типа может участвовать кто угодно: в спортивных клубах и секциях здорового образа жизни доля людей с либеральными взглядами явно не выше, чем в целом по стране. Реальное гражданское общество, основу которого составляют различные НКО, разнообразно.

О данной особенности гражданского общества писал и Р.Г. Апресян: «Гражданское общество плюралистично. Плюралистично идеологически, поскольку оно не знает господствующей, то есть властью и законом поддерживаемой идеологии. Плюралистично экономически, поскольку различные формы собственности и свобода каждого гражданина от властного давления в выборе поприща представляют собой реальную основу для разнообразия форм общественного самоосуществления человека. Гражданское общество плюралистично и в сфере политики» [Апресян 1997, 12].

О. Хархордин, исходя из того, что L-традиция основана на протестантской культурной традиции, а M-традиция – на католической, предполагал, что для российского гражданского общества возможна П-традиция, связанная с православием и православными общинами [Kharkhordin 1998]. Согласно его концепции, основой российского гражданского общества могут служить не либеральные, а православные, т. е. преимущественно консервативные НКО.

В коллективной монографии «Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика» (2011 г.) Института экономики РАН С.Г. Кирдина пишет: «В исследованиях гражданского общества роль идеологии проявляется наиболее ярко. Идеология не только задает направления анализа, но и сама определяет характер основных идеологических установок, или ценностей, формирует содержание понятия граждан-

ского общества и делает его характерной идеологемой западного общества, носителем соответствующих ему базовых ценностей... Принято, во-первых, противопоставлять гражданское общество государству и, во-вторых, подчеркивать роль свободного индивидуального выбора при самоорганизации гражданского общества. Более того, роль ценностей при характеристике особенностей гражданского общества становится едва ли не доминирующей» [Кирдина 2011, 43, 45]. Автор выступает против господства либерального понимания российского гражданского общества. Однако, как показывают приведенные выше примеры, исключительно либерального понимания гражданского общества не существует.

Об отсутствии такой тенденции в российских научных публикациях свидетельствует и коллективная монография под редакцией Л.И. Якобсона [Факторы 2008], и более поздняя обзорная статья И.В. Мерсияновой [Мерсиянова 2011].

При анализе социальной базы гражданского общества И.В. Мерсиянова взяла за основу следующие критерии: «готовность объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их интересы и идеи совпадают; вовлеченность в добровольческую деятельность и частную филантропию; информированность об общественных объединениях и других негосударственных некоммерческих организациях, гражданских инициативах; членство и/или участие в деятельности общественных объединений и других негосударственных некоммерческих организаций, гражданских инициатив» [Мерсиянова 2008, 194]. В данный перечень не включены какие-либо нормативные критерии.

Все же следует отметить, что существует и ценностно нагруженное понимание концепта «гражданское общество». Как правило, такая трактовка имеет место, когда развитие гражданского общества анализируют в контексте транзита той или иной страны от авторитаризма к либеральной демократии. Так, в духе данной доктрины американский политолог и дипломат, бывший посол США в РФ, М. Макфол писал, что в странах Восточной Европы до 1989 г. степень успеха политической модернизации была пропорциональна уровню развития структур гражданского общества [McFaul 1993]. Также российский исследователь Т. Ворожейкина, рассматривая состояние гражданского общества в России в контексте массовой политической активности в России зимой 2011/2012 гг., отмечает, что «гражданская ассоциация, по определению, ориентирована на индивида, на ценность и права отдельного человека, принадлежащего к данному сообществу. Иначе говоря, “гражданское общество” в современной теории – это нормативно нагруженное понятие, включающее толерантность, плюрализм, уважение к личности в качестве фундаментальных этических оснований» [Ворожейкина 2014].

В дискуссиях по поводу гражданского общества можно различить две группы участников. Первая считает гражданское общество важным условием создания политического режима либеральной демократии, ориентируясь именно на ростки либерального гражданского общества. Одновременно в первой группе игнорируют проявления нелиберального гражданского общества. Вторая группа учитывает все возникающие в стране инициативные объединения, не ограничиваясь только организациями, о которых говорит Т. Ворожейкина.

Взгляды первой группы точно выразила в своем экспертном интервью советская диссидентка и российский общественный деятель Л.М. Алексеева, описывая свое участие в Московском гражданском форуме 2001 г., когда по решению оргкомитета именно она должна была открывать этот форум и дать слово президенту РФ В.В. Путину: «Я должна сказать, что мне было очень страшно, потому что я знала, что из четырех тысяч собравшихся в зале наших, таких, понятных мне людей пятьсот человек, а остальные, как Мария

Слободская любовно о них говорила – тетки с авоськами – ну это там социалка всякая, и какие-то там казачий хор, досуговые организации – хрен знает кто такие»⁴.

В данном случае, под «нашими» Л.М. Алексеева подразумевала именно организации либерального гражданского общества – правозащитные, экологические, а также центры публичной политики. Так, гуманитарно-политологический центр «Стратегия» представлял на форуме один из авторов данной статьи. Опираясь на приведенные Л.М. Алексеевой данные, оценим долю либеральных организаций на Московском форуме – примерно 20%. Там же присутствовала упомянутая выше М.А. Слободская, президент Института проблем гражданского общества, которую можно отнести ко второй группе исследователей. Она работала с той частью гражданского общества, которую Л.М. Алексеева охарактеризовала как «тетки с кошелками» [Российские... 1998]. Позже М.А. Слободская стала председателем комиссии по взаимодействию со структурами гражданского общества Общественной палаты РФ первого и второго созывов. Сегодня в том же направлении работает Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ под руководством И. В. Мерсияновой [Мерсиянова 2008, 2011].

Можно предположить, что представители первой группы придерживаются нормативно-нагруженного подхода к понятию гражданского общества, а второй – позитивистского.

Следует также указать на статью российского ученого Д.В. Гончарова, в которой автор обосновал разнообразие нормативных подходов к концепции гражданского общества, выделяя, наряду с либеральным и коммунитаристским, также постмарксистский метод. Он вместе с тем отмечал, что «антимодернистская критика государственных и транснациональных институтов современного общества парадоксальным образом сближает пост-марксистский проект с коммунитаристским и консервативным видением» [Гончаров 2012, 154].

Зарубежные исследования: преодолевая нормативный подход

В работах зарубежных исследователей гражданского общества до недавнего времени преобладал именно нормативный подход. По мнению словацкого романиста и политолога П. Копецкого, данный факт можно объяснить тем, что концепция гражданского общества стала обретать популярность во многом под влиянием диссидентов-интеллектуалов стран Восточной Европы. В своих работах в 1960–1970-х гг. они противопоставляли гражданское общество «про-советским коммунистическим», идеологически нагруженным авторитарным режимам этих стран [Копецку 2005]. Тем самым гражданское общество, с одной стороны, приравнивали к оппозиции, а с другой – представляли как цель этой оппозиции – фактически отождествляя его с демократическим политическим режимом, то есть подразумевая L-концепцию гражданского общества.

Однако противники полутоталитарных режимов того времени преследовали разные политические цели. Среди них были диссиденты-интеллектуалы, которые выступали за установление либерального демократического режима с приоритетом прав человека и уважением прав меньшинств; националисты, которые ставили цель возродить (или создать) национальные моноэтнические государства (с единственным государственным языком); консерваторы, которые хотели восстановить разрушенное коммунистами влияние господствующей религии, и др.

В постсоветский период в государствах Восточной Европы и странах бывшего СССР стали развиваться националистические или религиозно-консервативные силы. Такого рода политические партии и неправительственные организации никак нельзя было отнести к

⁴ Интервью с Л.М. Алексеевой, Москва, 2 ноября 2012 г.

либеральным. Исследователи их не причисляли к гражданскому обществу, а определяли как «плохое гражданское общество» и «негражданское общество». Такие оценки вызвали возражения экспертов уже в середине 2000-х гг. Например, об этом свидетельствует коллективная монография 2005 г., в самом названии которой отражается недоверие экспертов к подобным подходам («Негражданское общество? Спорная политика в посткоммунистической Европе») [Uncivil... 2005].

Во вступительной статье к книге ее редактор П. Копецкий пишет о том, что развиваемая диссидентскими кругами стран Восточной Европы концепция гражданского общества как альтернатива полутоталитарному советскому режиму понимала под гражданским обществом либеральную демократию (т.е. в рамках L-концепции). По мнению П. Копецкого, в результате организациями гражданского общества считали только либерально ориентированные структуры, а все остальные игнорировали. В итоге был сделан вывод о слабости гражданского общества в таких странах. Данное заключение можно считать справедливым в отношении гражданского общества в рамках L-концепции, но его переносили и на M-концепцию – на сообщество общественных организаций. В реальности же оно развивалось достаточно активно, включая в себя гораздо более широкий круг организаций. П. Копецкий предлагает расширить фокус исследований за пределы либеральных и про-демократических структур. Он считает необходимым отказаться от исчерпавших кредит доверия границ, которые исключают из гражданского общества связанные с рынком и государством образования, а также обратить внимание на протестные группы или организации «спорной» (contentious) политики, которые ранее относили к «темной» стороне гражданского общества. Из названий глав данной монографии можно понять, о каких организациях идет речь: «Другое гражданское общество в Сербии: негосударственный национализм. Случай Сербского движения сопротивления»; «Не-гражданственность гражданского общества: скинхеды в Венгрии»; «Спорная политика в Хорватии: движение ветеранов войны»; «Государство, общество и протест в условиях посткоммунизма: Украинские шахтеры и их поражение».

В то же время другие исследователи продолжали рассматривать группы нелиберальной направленности как организации негражданского общества. Например, итальянский политолог К. Руза предложил следующую их классификацию: ксенофобные, националистические, популистские и авторитарные. К первой группе он относит прежде всего расистские организации, а также неонацистов и скинхедов, которые нападают на мигрантов или геев, считая их «негражданскими». По мнению исследователя, сторонники подобных взглядов часто встречаются среди болельщиков футбольных клубов.

Националистические группы включают в себя приверженцев национализма как идеологии объединения, так и идеологии разъединения, которая приводит к сепаратизму. Примером разновидности второго варианта он считает организации евроскептиков. Во всех случаях конкретные территории для членов националистических организаций играют существенную роль. К. Руза полагает, что популистская часть негражданского общества шире, чем две предыдущие. Она включает в себя как экстремистские, так и неэкстремистские группы, которые объединяют антиэлитистские настроения [Ruzza 2009].

В своей статье «Гражданское и негражданское общество» Б. Клиффорд приводит убедительные аргументы в пользу того, что было бы ошибкой использовать определение «структуры негражданского общества», чтобы обозначать организации с нелиберальными взглядами. Действительно, если понимать гражданское общество как сферу добровольных ассоциаций, созданных свободными индивидами, то негражданским обществом можно считать нехватку самих добровольных ассоциаций. А. Токвиль, говоря о данном феномене, приводил пример атомизированного общества Франции (сравнивая его с США). О низкой гражданственности организаций юга Италии писал американский фило-

соф Х. Патнэм. Соответственно, для анализа добровольных ассоциаций нелиберального толка корректнее использовать термины «консервативное» или «нелиберальное» гражданское общество [Clifford 2012].

Такой подход использовали в вышедшем в 2018 г. под эгидой Фонда Карнеги сборнике «Мобилизация консервативного гражданского общества» [Mobilization... 2018]. Редактор Р. Янг пишет, что во многих странах – как посткоммунистических или развивающихся, так и в государствах со стабильной демократией – консервативные формы гражданского активизма становятся сильнее и получают поддержку. Он подчеркивает, что сегодня антикапиталистические кампании, протесты гражданского общества, действия в защиту прав человека и глобального правосудия уже достаточно рассмотрены. Возникает потребность изучить и консервативное гражданское общество. Важно определить общие характерные черты и особенности, которые присущи различным консервативным группам: правые, националисты, нативисты, антииммигрантские сообщества, популисты, сторонники иллиберализма и авторитаризма. Важно также выделять группы, склонные к антидемократическим взглядам или к насилию. Некоторые консервативные группы имеют поддержку «снизу», другие, напротив, пользуются поддержкой элитных групп. В любом случае – они могут эффективно влиять на публичную повестку. Следует выделить финальное замечание Р. Янга о том, что многие консервативные группы имеют более глубокие и аутентичные социальные корни, чем либеральные гражданские организации, которые часто создают по запросу иностранных спонсоров.

Современное российское гражданское общество: выделенные государством классы и естественное разнообразие

Вернемся к российскому гражданскому обществу. При его анализе следует учитывать влияние российского государства, которое на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. начало разделять организации российского гражданского общества на классы. Так, в апреле 2010 г. были приняты поправки к закону 1996 г. «Об общественных организациях», в соответствии с которыми был введен статус «социально-ориентированные НКО». Их вносили в специальный реестр, государство обязано было оказывать им поддержку. В то же время «во многих регионах стали считать, что все взаимодействие НКО и власти сводится лишь к государственной поддержке организаций 3-го сектора, и никакого другого участия НКО в процессе решения проблем государства не требовалось» [Горный 2018, 37]. В первую очередь к таким НКО стали относить благотворительные и волонтерские организации.

Через два года после возвращения В.В. Путина на пост президента РФ в этот закон внесли новые поправки. В соответствии с ними составляли список НКО, которые получают финансирование из иностранных источников и занимаются политической деятельностью. Таким организациям присваивают статус «иностранных агентов» [Flikke 2018]. В перечень были внесены прежде всего правозащитные организации, которые получают финансовую поддержку от международных фондов.

Данный тренд внутренней политики поддержали российские консервативные организации, которые ранее были на периферии публичного поля, – например, Евразийское движение А. Дугина. В 2012 г. большинство из них стали организаторами Изборского клуба (при участии министра культуры РФ В.Р. Мединского), который активно продвигает в России консервативные ценности⁵.

⁵ Изборский клуб. (<https://izborsk-club.ru/>).

С другой стороны, в 2013 г. начал свои ежегодные встречи Общероссийский гражданский форум⁶, работавший под эгидой Комитета гражданских инициатив во главе с А.М. Кудриным. В них принимали активное участие правозащитные и экологические организации, а также общественные деятели либеральных воззрений. Таким образом, в период третьего президентского срока В.В. Путина в российском гражданском обществе установилось определенное равновесие между организациями либерального толка, которые участвовали в Общероссийском гражданском форуме, и организациями консервативной направленности, лидеры которых входили в Изборский клуб либо разделяли взгляды его основателей. Существовали также два сообщества центристской ориентации – созданная в 2006 г. Общественная палата РФ (ОПРФ), которая формировалась преимущественно из представителей лояльно настроенных к российскому руководству организаций [Сунгуров 2021], а также созданный в 2011 г. по инициативе В.В. Путина Объединенный народный фронт. Наиболее либеральную позицию из всех совещательных структур при Президенте РФ до недавнего времени занимал Совет по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ) – особенно в периоды председательства Э.А. Памфиловой и М.А. Федотова [Сунгуров 2020].

В рамках исследования нелиберальной части российского гражданского общества в первую очередь были проанализированы организации, представленные в настоящее время (начало 2023 г.) в ОПРФ и в СПЧ. Для изучения организаций, представители которых входят в состав обеих структур, использовался метод качественного контент-анализа. Была сформирована база данных нелиберальных организаций в ОПРФ и в СПЧ. В первую часть этой базы вынесены все члены упомянутых структур последнего созыва. Во второй части выделены организации гражданского общества, которые они представляют. В случаях, когда они были избраны от конкретной организации, было указано название именно этой организации. В то же время следует учитывать, что процесс назначения не всегда связан с выдвижением кандидатов от НКО, а в СПЧ членов приглашают лично. В таких случаях были указаны все организации, в которых участвуют данные лица. Наибольшую ценность представляли организации, близкие к тем, с которыми член ОПРФ или СПЧ работает в этих институтах: например, если он(а) входит в состав экологической комиссии, больший интерес представляет экологическая организация, членом которой он(а) является, чем спортивная ассоциация, которая также может входить в его/ее сферу деятельности.

Далее изучались программные тексты организаций на официальных сайтах, а также заявления и новости, размещенные на их электронных ресурсах. Фиксировались события, которые привлекли внимание организации, и оценки этих событий. Были исследованы характерные черты представителей этих организаций в ОПРФ и СПЧ, на основании следующих критериев: опубликованные выступления членов ОПРФ и СПЧ и их страницы в социальных сетях, их личное отношение к специфике деятельности своей организации. Пишут ли они об этих темах? Оставляют ли ссылки на свои организации? Совпадает ли их мнение с официальной позицией НКО? Также учитывались упоминания этих представителей на сайтах и в социальных сетях организаций. Эта информация была зафиксирована в третьей части базы.

Для разделения организаций на либеральные и нелиберальные были проанализированы выступления их лидеров в СМИ. В четвертой колонке представлены взгляды членов организаций в зависимости от их приверженности либеральным или нелиберальным идеям. Под «либералами» имеются в виду люди, «ставящие такие ценности, как свобода и права человека, выше других ценностей (государство, традиции и т. д.)». После форми-

⁶ Общероссийский гражданский форум. (<https://civil-forum.ru/>).

рования списка нелиберальных организаций нужно было разделить их на группы и классифицировать. В рамках данной задачи были вновь проанализированы тексты, упомянутые выше, чтобы выделить отличительные черты различных взглядов. После сравнения позиций различных организаций между собой похожие по системе ценностей объединяли в одну группу. В некоторых случаях результаты были неоднозначны. Для более четкого понимания позиции организаций и/или их представителей проводился анализ дополнительных материалов.

В результате в ОПРФ и СПЧ были выделены следующие группы нелиберального гражданского общества: религиозные, военно-патриотические и лоялисты. Первые смотрят на социальные и политические проблемы через призму религии и предлагают соответствующие решения. Так, на сайте «Союза православных женщин» цели организации сформулированы следующим образом: «Важным направлением своей деятельности члены Союза считают восстановление православного образа жизни в семье, оказание помощи школе в воспитании учащихся в духе традиционных православных ценностей, помощь детям, оставшимся без попечения родителей и детям из неблагополучных семей, малоимущим матерям-одиночкам, социально незащищенным членам общества»⁷. Представители военно-патриотических и большинства ветеранских организаций выступают за сильное, суверенное государство, важную роль в котором играет армия. Зачастую они настроены против «коллективного Запада». Например, в описании проекта «Армия и общество» в журнале «Арсенал Отечества» указано: «Глобалисты правят западным миром, есть их влиятельная “пятая колонна” и в российских элитах. Суверенная Россия им “как кость в горле”. Важно подчеркнуть в этом контексте, что сегодня в условиях развязанной условным “Западом” информационной антироссийской кампании, деятельность армейских структур по налаживанию и поддержанию связей с обществом должна быть инициативной и активной, наступательной и атакующей в прямом смысле этих терминов»⁸. Примерами организаций подобного толка также можно считать «Ассоциацию сотрудников и ветеранов органов внутренних дел – участников локальных войн и военных конфликтов», «Национальную Ассоциацию объединений офицеров запаса Вооруженных Сил», ДОСААФ и др.

Лоялистские организации не продвигают какие-либо конкретные идеи. Они поддерживают инициативы политических элит в своих социальных сетях и помогают в продвижении «нужных» кандидатов через квоты от общественных организаций. В список лоялистских организаций включены «Общероссийский народный фронт» и «Российский книжный союз». Представителем последнего в Общественной палате стал экономист А. Галушка, чья деятельность не связана с литературой и полиграфией, а имя его не упоминается в социальных сетях организации. Еще одним примером лоялистской организации может служить Ассоциация юристов России, членом президиума которой является д.ю.н., заместитель секретаря ОПРФ и единственный член всех семи ее созывов В.В. Гриб (председатель Попечительского совета ассоциации – Д.А. Медведев).

Также были выявлены организации, которые нельзя однозначно отнести к какой-либо из выделенных трех групп. Прежде всего они представляют собой различные профессиональные ассоциации – Российская ассоциация политической науки (РАПН), Русское географическое общество, Союз театральных деятелей и т. д., а также ассоциации бизнеса. С другой стороны, в эту категорию входят благотворительные фонды, многие из которых

⁷ Жукова Нина Борисовна. Союз православных женщин. (<http://xn--80aafbfpcowwcbdbmqnh4f3dsb6.c.xn--plai/direction/management/zhukova-nina-borisovna>).

⁸ Армия и общество. Арсенал Отечества. 19 Июля 2017. (<https://arsenal-otechestva.ru/article/937-armiya-i-obshchestvo>).

не относятся к религиозным организациям. Многие из них относятся к первому (самому многочисленному) типу НКО согласно представленной ранее классификации, что делает более очевидной узость разделения структур гражданского общества на либеральные и нелиберальные.

К такому же выводу можно прийти при анализе организаций, представленных в СПЧ. Тем не менее, в совете гораздо шире представлены либеральные общественные организации. В том числе в него входят члены правления Московской Хельсинкской группы (Г. Резник), фонда «Либеральная миссия» (Е. Ясин), общества «Мемориал»⁹ (Т. Марголина). В совете хорошо представлены различные профессиональные ассоциации (журналистов, писателей), а также благотворительные фонды. Представителей военно-патриотических организаций в нем существенно меньше.

В заключение можно сделать следующие выводы. Структура современного российского гражданского общества существенно шире его либерального сегмента. Соответственно, сводить гражданское общество исключительно к сообществу либеральных организаций неконструктивно, так как данный подход исключает из поля зрения исследователей большую часть российских общественных организаций, которые также должны быть объектом анализа. Такое нормативно нагруженное сужение гражданского общества могло стать результатом неосознанного заимствования представлений из L-концепции гражданского общества, которая ограничивает данный концепт либерально-ориентированным демократическим государством. Наконец, среди современных нелиберальных организаций также присутствует существенное разнообразие, и при их анализе не следует использовать дихотомию либеральных и нелиберальных организаций, которая несет в себе нормативную оценку. Соответственно, при изучении разнообразных организаций российского (и не только) гражданского общества более корректно и правомерно применять такое определение, как разнообразное гражданское общество (Diversity civil society).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Р.Г. (1997) Гражданское общество // В: Гражданское участие: ответственность, сообщество, власть. Неконцептуальный сборник. М.: Изд-во Аслан. С. 8–19.
- Белокурова Е. (2003) Концепция гражданского общества и современная российская политика // Политическая наука. № 1. С. 79–102.
- Ворожейкина Т. (2014) Гражданское общество: что дальше? // Отечественные записки. № 3. (<https://intelros.ru/readroom/otechestvennye-zapiski/o3-2014/23969-grazhdanskoe-obschestvo-chtodalshe.html>).
- Гончаров Д.В. (2012) Разнообразие нормативных проектов гражданского общества // Вестник Тверского государственного университета. Серия Философия. № 33. С. 143–156.
- Горный М.Б. (2018) Взаимодействие власти и гражданского общества: реформы от 1991 года и до наших дней // В: Российские реформы: взгляд из 2017 года: коллективная монография. СПб: Норма. С. 32–41.
- Грамши А. (1959) Тюремные тетради. В: Избранные произведения в 3-х т. Т. 3. М.: Издательство иностранной литературы. 565 с.
- Кирдина С.Г. (2011) Институциональные основы гражданского общества // В: Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика. Ред.: А.Е. Лебедев, А.Я. Рубинштейн. СПб.: Алетейя. С. 36–82.

---

⁹ Признан иностранным агентом в РФ – прим. ред.

Либман А.М. (2011) Межстрановые сопоставления институтов гражданского общества: эмпирический анализ // В: *Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика*. СПб: Алетейя. С. 117–175.

Мерсиянова И.В. (2008) Роль индивидуального субъекта и его персональных практик в формировании гражданского общества в России // В: *Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством*. М.: Вершина. С. 167–208.

Мерсиянова И.В. (2011) Определение понятия «гражданское общество»: опыт систематизации // *Гражданское общество в России и за рубежом*. № 4. С. 2–6.

Михник А. (2011) *Антисоветский русофил*. Москва: Летний сад. 352 с.

Российские некоммерческие организации: лучший практический опыт (1998) Составитель: М.М. Слободская. М.: Институт проблем гражданского общества.

Сунгуров А.Ю. (1997) Становление гражданского общества в Санкт-Петербурге и России // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 55–64.

Сунгуров А.Ю. (2008) *Гражданское общество и его развитие в России*. Учебное пособие. СПб: Издательство «ЮТАС». (http://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_gr_ob.pdf).

Сунгуров А.Ю. (2020) Президентский совет по развитию гражданского общества и правам человека: эволюция за четверть века // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 90–106. (<https://doi.org/10.31857/S086904990010752-9>).

Сунгуров А.Ю. (2021) *Общественная палата РФ: возникновение и этапы развития* // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 104–118. DOI:10.31857/S086904990017877-6.

Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством (2008) Ред.: Л. И. Якобсон. М.: Вершина.

Хархордин О. (1997) Проект Достоевского // *Pro at Contra*. Т. 2. № 4. С. 38–59.

Clifford B. (2012) *Civil and Uncivil Society* // In: *The Oxford Handbook of Civil Society*. Ed(s): M. Edwards. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780195398571.013.0017.

Cohen J., Arato A. (1995) *Civil Society and Political Theory*. Cambridge, London: The MIT Press. 771 p.

Havel V. (1993) *Anti-Political Politics* // In: *Civil Society and the State*. Ed(s): John Keane. London, New York. Pp. 381–398.

Flikke G. (2018) *Conflicting Opportunities or Patronal Politics? Restrictive NGO Legislation in Russia 2012–2015* // *Europe-Asia Studies*. Vol. 70. No. 4. Pp. 564–590. DOI:10.1080/09668136.2018.1455806.

Keane J. (1988) *The Origin and Development of the Distinction between Civil Society and the State 1750–1850* // In: *Civil Society and the State: New European Perspectives*. Ed(s): J. Keane. London, New York: Verso. Pp. 35–71.

Kharkhordin O. (1998) *Civil Society and Orthodox Christianity* // *Europe-Asia Studies*. Vol. 50. No. 6. Pp. 949–968.

Kopecký P. (2005) *Civil Society, Uncivil Society and Contentious Politics in Post-Communist Europe* // In: *Uncivil Society? Contentious Politics in Post-Communist Europe*. London, New York: Routledge. Pp. 1–17.

McFaul M. (1993). *Post-Communist Politics. Democratic Prospects in Russia and Eastern Europe*. Washington, D.C.: The Center for Strategic and International Studies. 132 p.

The Mobilization of Conservative Civil Society (2018) Ed(s): R. Youngs. Beijing: Carnegie Endowment for International Peace. 82 p. (https://carnegieendowment.org/files/Youngs_Conservative_Civil_Society_FINAL.pdf).

Seligman A. (1992) *The Idea of Civil Society*. New York: Free Press. 241 p.

Taylor C. (1995) *Philosophical Arguments*. Cambridge: Harvard University Press.

Toward a Global Civil Society (1995) Ed(s): M. Walzer. New York, Oxford: Berghahn Books. 352 p.

Walzer M. (1995) *The Concept of Civil Society* // In: *Toward a Global Civil Society*. New York, Oxford: Berghahn Books. 352 p. Pp. 7–27.

Ruzza C. (2009) Populism and Eurosepticism: Towards Uncivil Society? // Policy and Society. Vol. 28. No. 1. Pp. 87–98. DOI: 10.1016/j.polsoc.2009.02.007.

Uncivil Society? Contentious Politics in Postcommunist Europe (2005) Ed(s): P. Kopecký, C. Mudde. London, New York: Routledge. 184 p.

REFERENCES

Apresyan R.G. (1997) Grazhdanskoe obshchestvo [Civil Society]. In: *Grazhdanskoe uchastie: otvetstvennost', soobshchestvo, vlast'. Nekonceptual'nyj sbornik*. Moscow: Izd-vo Aslan. Pp. 8–19.

Belokurova E. (2003) Koncepciya grazhdanskogo obshchestva I sovremennaya rossijskaya politika [Concept of Civil Society and Contemporary Political Science]. *Politicheskaya nauka*. no. 1, pp. 79–102.

Clifford B. (2012) Civil and Uncivil Society. In: *The Oxford Handbook of Civil Society*. Ed(s): M. Edwards. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780195398571.013.0017.

Cohen J., Arato A. (1995) *Civil Society and Political Theory*. Cambridge, London: The MIT Press. 771 p.

Faktory razvitiya grazhdanskogo obshchestva i mekhanizmy ego vzaimodejstviya s gosudarstvom [Factors of Civil Society Development and Mechanisms of It Interaction with the State] (2008) Ed(s): L.I. Yakobson. Moscow: Vershina.

Flikke G. (2018). Conflicting Opportunities or Patronal Politics? Restrictive NGO Legislation in Russia 2012–2015. *Europe-Asia Studies*. vol. 70, no. 4, pp. 564–590. DOI:10.1080/09668136.2018.1455806.

Goncharov D.V. (2012) Raznoobrazie normativnyh proektov grazhdanskogo obshchestva [Diversity of Normative Projects of Civil Society]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya*. no. 3, pp. 143–156.

Gornyj M.B. (2018). Vzaimodejstvie vlasti i grazhdanskogo obshchestva: reformy ot 1991 goda i do nashih dnei [Interaction of State and Civil Society: Reforms from 1991 up to Our Days]. In: *Rossijskie reformy: vzglyad iz 2017 goda: kollektivnaya monografiya*. Saint-Petersburg: Norma. Pp. 32–41.

Gramsci A. (1959) Tyuremnye tetradi [Prison Notebooks]. In: *Izbrannye proizvedeniya v 3-h tt. T. 3. Tyuremnye tetradi*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury. 565 p.

Harhordin O. (1997) Proekt Dostoevskogo [Dostoevskiy Project]. *Pro at Contra*. vol. 2, no. 4, pp. 38–59.

Havel V. (1993) Anti-Political Politics. In: *Civil Society and the State*. Ed(s): J. Keane. London, New York. Pp. 381–398.

Keane J. (1988) The Origin and Development of the Distinction between Civil Society and the State 1750–1850. In: *Civil Society and the State: New European Perspectives*. Ed(s): J. Keane. London, New York: Verso. Pp. 35–71.

Kharkhordin O. (1998) Civil Society and Orthodox Christianity. *Europe-Asia Studies*. vol. 50, no. 6, pp. 949–968.

Kirdina S.G. (2011) Institucional'nye osnovy grazhdanskogo obshchestva [Institutional Background of Civil Society]. In: *Grazhdanskoe obshchestvo: zarubezhnyj opyt i rossijskaya praktika*. Ed(s): A.E. Lebedev, A.Ya. Rubinshtejn. Saint-Petersburg: Aletejya. Pp. 36–82.

Kopecký P. (2005) Civil Society, Uncivil Society and Contentious Politics in Post-Communist Europe. In: *Uncivil Society? Contentious Politics in Post-Communist Europe*. London and New York: Routledge. Pp. 1–17.

Libman A.M. (2011) Mezhranovye sopostavleniya institutov grazhdanskogo obshchestva: empiricheskij analiz [Intercountry Comparison of Civil Society Institutions: Empirical Analysis]. In: *Grazhdanskoe obshchestvo: zarubezhnyj opyt i rossijskaya praktika*. Saint-Petersburg: Aletejya. Pp. 117–175.

McFaul M. (1993) *Post-Communist Politics. Democratic Prospects in Russia and Eastern Europe*. Washington, D.C: The Center for Strategic and International Studies. 132 p.

Mersiyanova I. V. (2008) Rol' individual'nogo sub'ekta i ego personal'nyh praktik v formirovanii grazhdanskogo obshchestva v Rossii [Role of Individuum Subject and his Personal Practices in Forming of Civil Society in Russia]. In: *Factory razvitiya grazhdanskogo obshchestva i mekhanizmy ego vzaimodejstviya s gosudarstvom*. Moscow: Vershina. Pp. 167–208

Mersiyanova I.V. (2011) Opredelenie ponyatiya «grazhdanskoe obshchestvo»: opyt sistematizacii [Defenition of Civil Society Concept: Experience of Systematization]. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom*. no. 4, pp. 2–6.

Mihnik A. (2011) *Antisovetskij rusofil* [Anti-Soviet Russophile]. Moscow: Letnij sad. 352 p.

The Mobilization of Conservative Civil Society (2018) Ed(s): R. Youngs. Beijing: Carnegie Endowment for International Peace. 82 p. (https://carnegieendowment.org/files/Youngs_Conservative_Civil_Society_FINAL.pdf).

Rossijskie nekommercheskie organizacii: luchshij prakticheskij opyt [Russian NGOs: The Best Practical Examples] (1998) Ed(s): M.M. Slobodskaya. Moscow: Institut problem grazhdanskogo obshchestva.

Ruzza C. (2009) Populism and Euroscepticism: Towards Uncivil Society? *Policy and Society*. vol. 28, no. 1, pp. 87–98. DOI: 10.1016/j.polsoc.2009.02.007.

Seligman A. (1992) *The Idea of Civil Society*. New York: Free Press. 241 p.

Sungurov A.Yu. (1997) *Stanovlenie grazhdanskogo obshchestva v Sankt-Peterburge i Rossii* [Formation of Civil Society in Saint-Petersburg and in Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 3, pp. 55–64.

Sungurov A.Yu. (2008). *Grazhdanskoe obshchestvo i ego razvitie v Rossii. Uchebnoe posobie* [Civil Society and its Development in Russia. Textbook]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo "YUTAS". (http://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_gr_ob.pdf).

Sungurov A.Yu. (2020) Prezidentskij sovet po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka: evolyuciya zachetvert' veka [Presidential Council for Development of Civil Society and Human Rights: Evolution for the Quarter of Century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 4, pp. 90–106. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086904990010752-9>.

Sungurov A.Yu. (2021) Obshchestvennaya palata RF: vznikovenie i etapy razvitiya [The Civic Chamber of the Russian Federation: Its Creation and Stages of Development]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 6, pp. 104–118. DOI: 10.31857/S086904990017877-6.

Taylor C. (1995) *Philosophical Arguments*. Cambridge: Harvard University Press.

Toward a Global Civil Society (1995) Ed(s): M. Walzer. New York, Oxford: Berghahn Books. 352 p.

Uncivil Society? Contentious Politics in Postcommunist Europe (2005) Ed(s): P. Kopecký, C. Mudde. London, New York: Routledge. 184 p.

Vorozhejkina T. (2014) Grazhdanskoe obshchestvo: chto dal'she? [Civil Society: What is Farther?]. *Otechestvennye zapiski*. no. 3. (<https://intelros.ru/readroom/otechestvennye-zapiski/o3-2014/23969-grazhdanskoe-obshchestvo-chto-dalshe.html>)

Walzer M. (1995) The Concept of Civil Society. In: *Toward a Global Civil Society*. New York, Oxford: BerghahnBooks. 352 p. Pp. 7–27.

Информация об авторах

Сунгуров Александр Юрьевич, доктор политических наук., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 190058, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 123. E-mail: asungurov@hse.ru

Киселева Дарья Александровна, магистр политологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Адрес: 190058, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 123. E-mail: kiseleva-d@yandex.ru

About the authors

Alexander Yu. Sungurov, Doctor of Political Sciences, Professor, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 190058, Russia, Saint-Petersburg, Griboyedov Canal emb., 123. E-mail: asungurov@hse.ru

Daria A. Kiseleva, Master of Political Sciences, National Research University “Higher School of Economics». Address: 190058, Russia, Saint-Petersburg, Griboyedov Canal emb., 123. E-mail: kiseleva-d@yandex.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 20.02.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 07.04.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 15.04.2023